

ОБ ОДНОМ ДИАЛОГЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА
/“ДВОЙНИК” А. БЛОКА И И. АННЕНСКОГО/

Важная роль в развитии русской поэзии XX века принадлежит творчеству А. Блока и И. Анненского. Поэтому большой интерес представляет исследование их творческих установок, в частности их понимание человека /“я” и “другого”/. Интересный материал для этого дает сопоставление их одноименных стихотворений “Двойник”. Особое внимание привлекает возможность сознательной переключки между этими стихотворениями.

Во времени написания “Двойника” /1909, окончательный текст — 1914 г./ Блок был хорошо знаком со стихами Анненского. Для нас важно, что он особо выделял стихотворения “Двойник” и “Под зеленым абакуром”. Последнее также связано с темой двойничества, а строки из него Блок цитировал, сопроводив цитату словами: “И был рад открытий... “Это” навсегда в памяти. Часть души осталась в этом”¹. Дело в том, что в строфике “Двойника” Блок полностью воспроизвел строфическую организацию стихотворения “Под зеленым абакуром”: перекликающиеся начальными и конечными строками. Этот факт показателен еще и потому, что в других стихотворениях Блока мы не раз не находим такой строфики.²

Доказательством факта сознательной ориентации Блока на Анненского является и то, что в высказываниях Блока о поэте мы находим ряд мест, которые почти текстуально перекликаются со стихотворением Блока “Двойник”.³ Совершенно неизвестных стихах Анненского, введенных под псевдонимом Ник. Т-о., Блок в своей рецензии пишет: “Совсем новое, опять неизвестное чувство, как бывает при неожиданной встрече /7,620/³. Сочетание этих слов, исключавших друг друга в обычных обстоятельствах, подчеркивает в данном случае необычность ситуации. Действительно, “опять” можно сказать только о чем-то уже раз встречавшемся, знакомом. Если же “опять” говорится о неизвестном, то это неизвестное затронуло в душе Блока как-то близкое, но еще /или уже?/ незнакомое, вследствие чего совсем новое могло восприняться “опять неизвестным”.

И сравнение “совсем нового, опять неизвестного” чувства со “встречей” создает ощущение, какое бывает, может быть, при встрече

он своим двойником. Заметим, что слово "встреча" в описании Блока связано с "Прекрасной Дамой", с "идеалом", с "душой мира", с родным человеком, своим вторым я.

В совокупности высказываний Блока об Аленеском подчеркивается близость между ними, стоящая на грани двойничества. Вот слова, употребленные Блоком для определения своего отношения к Аленескому: "память", "часть души" /XIII, 152; как мы увидим дальше, двойник Блока является персонифицированной частью души/, "встреча" /I, 620/, "неизреченная близость пережитая, объясняющая мне многое о самом себе" /XIII, 309/.

Вариация именно этих определений составляет стихотворение Блока "Двойник":

Одних в сентябрьском тумане
Я бред, вспоминаю наших
.....
И вот в непроглядном тумане
Вспомни повздытый январь .
.....
И стало мне страшно казаться,
Что я его встречу опять....
.....
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видал его...
Быть может, себя самого
Я встретил на гладе зеркальной?

Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что стихотворения Блока и Аленеского написаны одинаковым метром и имеют одинаковое количество строк.

Все это дает нам возможность предположить, что в творческом сознании Блока в момент написания "Двойника" присутствовали интересующие нас стихи Аленеского. Самостоятельный анализ стихотворений подтверждает такое предположение. Естественно, что такой большой художник, как Блок, не мог просто следовать за Аленеским, и вернувшись к моментам, бесспорно обличившим эти стихотворения, особенно резко бросается в глаза различие между ними: Блок говорит именно свое слово, сопоставляя слово Аленеского, но явно диалогически ориентированное на него.

Как нам представляется, своеобразным фокусом, в котором преломляется сходство и различие этих стихотворений, является представление двух поетов о человеке, о его цельности и раздвоенности / и о соотношении "я" с "другим" /.

Известно, что Анненский неоднократно возвращался в своих произведениях к мысли об "абсурде цельности", и, как показано в современном исследовании, это представление Анненского было полемическим направлено против "синтетических" теорий, пытавшихся искусственно преодолеть расщепленность жизни и сознания человека, имеющие место на рубеже двух веков.⁴

Близкое понимание этой проблемы мы видим у Блока⁵. Однако, решительно отталкиваясь от "синтетических" теорий, подчеркивая не могушую быть искусственно преодоленной реальную раздвоенность в сознании современного человека, Блок и Анненский сами занимали по многом разные позиции по отношению к ней. Анненский склонен был бескомпромиссно подчеркивать сам факт "абсурда"⁶ всяких попыток искусственно снять это противоречие. Блок, столь же отчетливо выступая против "синтезов", не менее отчетливо обнаруживал волею к "цельности" /УПІ, 197/. Однако это сходство и различие позиций осложняется еще и тем, что оба поэта во многом по-разному понимали соотношение "я" и "другого".

А. Блок обращается к одной из сторон своей души, почему в его стихотворениях и доминируют личные местоимения в единственном числе. Блок говорит о раздвоенности внутри одного человека. Это выражается в том, что повествование ведется от лица "я", подлинный двойник оказывается только одной из сторон этого "я" /внутренней/. При этом Блок судит своего двойника, предъявляя к нему морально-этические требования.

Совсем иначе понимает двойника И. Анненский. У него двойник - это не часть души "я", а другой человек, другие лица /мы/. В первой же строке "Двойника" отрицанием трех местоимений, которые составляют все три лица, автор исключает то, о чем пойдет речь, из всего нам известного: "Не я, и не он, и не ты", - и далее разъясняется, что это - "Я то же, что я, а не то же..."

Другими словами, Анненский утверждает, что двойник его лирического героя, это - в отдаленности никто, но в то же время - каждый. Под двойником он подразумевает другого человека, от которого его отделяет индивидуальность, но с которым обнимает все общечеловечес-

нов, все человеческое в лучшем смысле слова.⁷

Разное понимание "двойника" во многом предопределило и поэзия поэтов по вопросу о возможности-невозможности /и желательности-нежелательности/ преодоления раскола в жизни и сознания современного человека, что обусловило и структуру рассматриваемых стихотворений.

В пяти строфах "Двойника" Анненского мы видим следующую схему:
I смешение — осмысление — горячий сон — ночь — мутное^J крушение.
Эта композиция является предельно выразительной демонстрацией "ас-сурда цельности".

От изначальной смятённости, смешения /"Так были мы где-то поко-
ны, /что наши смешались черты"/ стихотворения Анненского развивается через осмысление и "горячий сон"⁸ — к выявлению двойника — "друго-
го", т.е. к разлуке. Причем стремление к разобщенности органически
исходит из общности. Лирического героя с двойником объединяет "меч-
та", но мечта о... разлуке. Здесь ошутима проноя автора, направлен-
ная против стремления людей к разобщенности /не мечтаем, а именно
любим, любим мечтой разлуки/.

От своего начала и до конца стихотворение Анненского прошло
определенный путь, пролило свою жизнь. А жила стихотворение мечтой
разлуки. Проделанный путь отчетливо виден в контрасте первой и послед-
ней строки стихотворения:

первая строка : отрицание какого-бы то ни было индивидуала /"Но я, и не
он, и не ты"/, т.е. — смятённость;

последняя строка : безусловный интерес лирического героя к судь-
бе своего "я" /"Каким же я буду один?/ — разлука.

Этот же путь виден при сопоставлении первой и последней строф,
а также при сопоставлении слова, с которого начинается стихотворение
/"не" — отрицание вообще/, со словом, которым оно кончается /"один" —
утверждение отдельного/.

В блоковском же стихотворении можно выделить по строфам сле-
дующую схему:

I, II, III, IV   II, III   IV, V   V
туман _____ сон _____ зеркало _____ улыбка .

В этом стихотворении пять раз встречается мотив тумана. У Блока
туман, сумрак часто выступают как некая атмосфера, из которой ро-
даются все зримые очертания, в том числе и двойник. Примечательно,

что в первых трех строфах есть мотив тумана, а в конце третьей строфы говорится о том, что двойник выходит из тумана. Четвертая строфа переломная. Здесь происходит встреча лирического героя с двойником. Монолог двойника, являющийся прозрением, а, значит, первым шагом к просветлению, содержит и старый мотив тумана, и новый мотив зеркал:

... Устал я летать,
Промсеглим туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщи чужих целовать...

И сразу за этим прозрением /монологом двойника/ следует образ самого лирического героя:

И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять... -

где лирический герой высказывает сомнение в повторном появлении двойника⁹. В последней же строфе тумана нет вообще, есть только мотив зеркал¹⁰ /и завершается стихотворение именно этим словом/:

Вдруг он улыбнулся внезапно, -
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на гладе зеркальной?

Зеркало - символ прозрения: только зеркало показывает нам истинное наше лицо.

В последней строфе есть также еще один многозначный символ - слово "улыбнулся", которое также может говорить о некотором прозрении. Ведь улыбка - исключительная привалекция человека, привалекция понятного над непонятным.

Такое построение показывает постепенный переход от туманности к просветлению, от расплывчатости сознания к духу цельности /где-то на границе тумана и свет появился двойник, увидел в зеркале безотраженное отражение свое, улыбнулся и исчез/.

Попробуем сопоставить композиционное движение стихотворений. И у Анненского, и у Блока движение идет от первоначальной нерасчетливости /"не я, и не он, и не ты"; туман/ к различению, выявлению двойника. "Торжественный сон" у Анненского, как и "зеркало" у Блока,

проявляет двойника, "другого". На фоне этого складывается отчетливое видение различия: у Анненского выявление двойника говорит об "абсурде пельности"; у Блока же движение качественно иное: выявление двойника есть шаг к его преодолению и изживанию, а потому все стихотворение является путем, движением к пельности.

В обоих стихотворениях употреблены все три времени: прошедшее, настоящее и будущее. Примечательно, что у Анненского движение времени не поступательное, а обратительное, оно предполагает движение, но не предполагает поступательного развития. В стихотворении поэт несколько раз последовательно меняет настоящее время на прошедшее и наоборот. И после кругов дан сомнительный выход в будущее в форме вопроса:

И в мутном круженье годов
.....

Каким же я буду один?

Годы чаще обычно называют значимые, торжественные, знаменательные веки. И чем больше торжественности мы видим в слове "годы", тем абсурднее /во этот абсурд предусмотрен автором/ сочетание: "и в мутном круженье годов".

У Анненского пельность нашего "я", как и пельность "другого", абсурдна. Смысл жизни для него составляет выявление и осознание "других". Стихотворение Анненского завершается мучительным для него вопросом: "Каким же я буду один?" Боязнь потери "другого" в более напикртой форме выражена в варианте последней строфы:

И в мутном круженье годов

Все чаще вопрос меня мучит:

А что, если кто нас разлучит,

Сумею ли жить я один?

Связь с "другим" - мучительна, но она дает жизнь, отказ от нее, от "другого" в себе - не смерть ли?

В "Двойнике" Анненского нет линейного развития действия, как нет глаголов поступательного движения, а есть некое состояние, не развивающееся в пространстве, но все время варьируемое. Поэтому каждая строфа здесь представлена одной синтаксической единицей - предложением - и обладает определенной завершенностью. Четыре первые строфы представляют собой последовательный ряд вариаций на одну и ту же тему - тему раздвоенности. После четвертой строфы Анненский поставил многоточие, обозначающее открытость намеченного пути. Цитат

отрофа в какой-то мере обособлена. Здесь автор ставит волнующий его вопрос, быть может, и побудивший его написать стихотворение.

В "Д. Шинке" Блока мы наблюдаем поступательное развитие смысла, что, в совокупности с частым употреблением глаголов движения /бред, стал уноситься, подходит, выходит в др./, говорит о движении в пространстве, пути от - до, и, следовательно, о поиске и мучительном развитии.

Это поступательное развитие разыграно и в строфах стихотворения Блока, где / как мы уже знаем, но без определенного умысла / довольно редкие семантикообразные отрофы обращают на себя внимание повтором строк. Д.Е.Маковский, считая, что эти повторы обусловлены противопоставлением двух фонов¹¹, не связывает их прямо с темой двойничества и отражением поэта к преодолению раскола. А между тем только эти темы, на наш взгляд, и обуславливают столь несомненную форму. То, что 1-2 строки, чуть измененные, повторяются в 5-6 строках, соответствует одному предмету стихотворения. Явление двойника, как и повторившиеся строки, есть то не самое и в то же время не то не самое /вспомни у Ахматовской! " И то же, что я, и не то же"/:

Одним в октябрьском тумане
 Я бред, вспоминаю напев...
 .....
 И вот в непроглядном тумане
 Возник позарезный напев.
 И стала мне молодость сниться,
 И ты, как живал, и ты...
 .....
 /Так раяла молодость снится,
 А ты-то, вернешся ли ты?/

Вдруг как из ночи туманной
 Цаганя подходит ко мне
 .....
 Выходит из ночи туманной
 И прямо подходит ко мне.

5-6 строки являются как бы отражением 1-2, как двойник у Блока является отражением одной из сторон сознания человека, отражением определенной части души.

Если повторы разыгрывают тему двойничества, то само их включение, начиная с 4-й строфы, связано лишь с преодолением двойничества.

ва. Упоминутные повторы строк наблюдаются в первых трех строках /где наличествовал в мотив тумана/. Третий строфа кончается словами:

Выходит из ночи туманной

И прямо полходит ко мне.

И после выхода двойника из тумана в известном осознании его лирическим героем исчезает в переключке строк, в IV-V строфах 5-6 строки уже не повторяют I-2, что свидетельствует о намечающемся преодолении лирическим героем Блока внутренней раздвоенности.

Как морально-этическая ошибка двойника, так и стремление Блока преодолеть раскол сознания, избавиться от своего двойника подтверждаются в черном варианте его стихотворения:

Какой-то печальный и странный

С закрытым лицом человек.

Выходит из мглы ресторанош

И падает намортво в снег.

В окончательном варианте стихотворения Блок отказался от такой радикальности и только высказал сомнения в повторном явлении уже осознанного им двойника.

Круговое, без развития, движение в стихотворении Анненского и поступательное движение в стихотворении Блока подтверждается и звуковой организацией стихотворений; в "Двойнике" Анненского преобладают ударные слоги с лабиализованным звуком "о" /23 из 60/, произношение и написание которого во всех языках ассоциируется с открытостью, замкнутым кругом; у Блока больше всего ударных слогов со звуком "а" /38 из 90/, который может символизировать притяженность, открытость, но, во всяком случае, не замкнутость.

В обоих стихотворениях сочетаются женские и мужские рифмы. Женская рифма таит в себе больше неопределенности, нежели утверждающая мужская с конечным ударным слогом. Стихотворение Анненского "Двойник" строится на особом, кольцевом сочетании мужских и женских рифм, причем мужские рифмы охватывают заключенные внутри них женские рифмы: минимальная определенность заключает в себе гнетущую внутреннюю неопределенность, "абсурд цельности".

Стихотворение же Блока построено на переходе от женских рифм к мужским, что может символизировать переход от неопределенности к определенности. Неслучайность такой рифмовки в строфах подтверждает известное отклонение от этого принципа: в заключительном двустишии Блока, содержащем сомнения, неопределенность, вопрос, автор без

видных на то время отступает от сочетания рифм женская-мужская в строит сочетание мужская-женская:

Вдруг он улыбнулся внезапно
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
И встретил на глади зеркальной?

вместо ожидаемого:

Быть может, на глади зеркальной
И встретил себя самого?

У Аванеского на всех уровнях стихотворения мы видим хаотическое вращение, кружение /"В мутном кружении", кольцевая рифмовка, звуковая организация на "о" и т.д./ Нечто подобное мы видим и в других стихотворениях Аванеского. Особый интерес представляет то обстоятельство, что и в других стихотворениях мотив кружения возникает именно там, где говорится о двойнике, о "другом"¹².

Свержением очевидной акцентировки "абсурда цельности" у Аванеского и наличие "воля к цельности" у Баска. Можно подумать, что именно здесь лежит фокус разногласия поэтов, что здесь истоки их тайного диалога. Но если бы дело было только в этом, то перед нами был бы обычный спор, обычная полемика, но не диалог. Дело в том, что Баск не только спорит с Аванеским, но, утверждая волю к цельности, одновременно говорит и об идее этой "цельности", т.е. сохраняет спорящую позицию, создавая несравнимость и неслаженность утверждения и отрицания.

Итак, сама воля к цельности у Баска подвергнута сомнению: обнаруживаясь в стихотворении преодоление лирическим героем раскола сознания, awakening двойника неожиданно последними строками /"Быть может, себя самого / И встретил на глади зеркальной?" / ставится под сомнение.

Мы уже отмечали, что способ рифмовки /переход от женской рифмы к мужской, то есть от неопределенности к определенности/ у Баска подтверждает мысль о стремлении автора преодолеть раскол сознания. В последних двух строках авторское сомнение в возможности преодоления двойника выражается нарушением установившегося способа рифмовки, а именно: переходом от мужской рифмы к женской, то есть от определенности к неопределенности.

Интересно, что мотив отражения - выживание двойника /".оригинальный сон"/, а также единственное в стихотворении Ахматовского возвратное местоимение "себя" содержится в третьей строфе, которая делит стихотворение на две равные части. Этот своеобразный центр тяжести находится в середине стихотворения, обе части могут вращаться вокруг него, прошлое и будущее, "я" и "другой" глядятся друг в друга, они обратны.

В отличие от Ахматовского, момент прозрения смещен Баском в конец стихотворения, где завершается поступательное развитие. У Баска возвратное местоимение "себя" также единственное, но поставлено оно в конце стихотворения, где остается место сомнения в продолжении двойника. У Баска только последние четыре строки глядятся /благослышара кольцевой раффе/ друг в друга, как в зеркале.

И призывавшее выразить стремление к цельности слово "улыбнулся" в сочетании с "нахально" оборачивается другой своей стороной - "улымкой", которой двойник отвечает из слова лирического героя Баска:

И стало мне странным казаться.

Что я его встречу опять.

Герою о стремлении Баска предсказать двойничество и о сомнении в возможности этого преодоления, нельзя не упомянуть еще об одном обстоятельстве. Только два раза - в конечных строках последней двух строф /4, 5/ - мы находим слово "встреча". Но если в 4-ой строфе герой кажется "странным", что он может опять встретить уже якобы преодоленного двойника, то в 5-ой строфе мы видим, что эта "встреча" состоялась:

Быть может, себя самого

Я встретил на глади зеркальной?

/Слова "быть может" относятся к "себя самого", но никак не ставят под сомнение "я встретил"/.

Но это не простое возвращение к "встрече", но какое-то озарение, обращение внутрь "себя самого" /двойник - это он сам/ и, возможно, проница над только что выраженным сомнением в повторном возникновении двойника.

Итак, композиция стихотворения Баска напоминает своеобразный балет, где в первых трех строфах "представлено" то привычное двойничество, которое характерно для Ахматовского. Об этом говорит то, что только в этих трех строфах Баск воспроизводит строфическую форму стихотворения "Под зеленым абажуром". В последующих же двух строфах Баск говорит свое слово, вступая в диалогический спор с

Анненским. И позиция Блока начинает проясняться с передачи слова "другому" - с эфирного в прямую речь моволога двойника. В этом мовологе двойник как бы очерчивает себя. После этого вводится слово лирического героя /взвизг 4-ой строфы/, в котором воля к пальцам достигает своей кульминации / лирическому герою кажется страшным, что двойник после этого может вернуться опять/.

Однако не этим завершается стихотворение. Конечные строки последней строфы представляют собой третий этап в развитии стихотворения. Здесь Блок подвергает сомнению уверенность лирического героя в значительном преодолении двойника. Поэтому две последние строки, которые преливают несомненный свет на весь текст, противопоставлены всем предыдущим, являясь как бы их отражением. Они говорят о неоднозначности решения, о сложности бытия.

1. А. БЛОК. Собр. соч. в 8 тт., т. 8, М.-Л., 1944, с. 152. Далее ссылки на эти издания, тем в страницах указываются в тексте.
2. В описанных в "Краткой литературной энциклопедии" типах поэтической подобная форма строфы не зафиксирована, что является еще одним свидетельством редкости данного строфического построения Анненского и большой вероятности использования Блоком именно данного стихотворения.
3. Вся рецензия Блока на "Там же песни" Анненского пронизана мотивом двойничества: он видит Блоку в образе неизвестного поэта, душа которого "как бы прячет себя от себя самой, переживает свое чувство одиночества в угаре девальвированных форм... Хочется, чтобы открылось лицо поэта, которое он как будто от себя хоронит... под тяжелой маской"; - пишет Блок /Т, 620/.
4. П. ГРОМОВ, А. Блок, его предшественники и современники, М.-Л., 1936, с. 216-218.
5. Там же.
6. И. АННИНСКИЙ. Книга отражений. М., 1979, с. 109.
7. См., например, стихотворение "Гармония", где отчетливо выражено понимание "другого" не как части "я", а как другого человека.
8. Из прозы Анненского видно, что "горячий сон" отождествляется поэтом с поэзией, причем поэзия в виде горячего сна являет

героев двойников - "других" /см.: И. АННИНСКИЙ, Книга стреланий, с. 23-24/. Для Аннинского, знатока античности, связь "опа" и поэзия являет и мифологические истоки: известно, что податель мюз - Аполлон - Опа связан со сном.

Д. Е. МАКСИМОВ, А. Блок. "Двойник". - В кн.: Поэтический строй русской лирики, Л., 1973, с. 211-235.

0. Там же.

1. Д. Е. МАКСИМОВ. Указ. соч., с. 226.

2. См. стихотворения "Другому", "Черный окут", "Тоска миража" и др.